

Эта изможденная, едва ли не призрачная женщина оказалась той самой Цзюньин, которая когда-то славилась во всем Инчжоу.

— Похоже... вы двое кое-что слышали о прошлом моего второго брата, — Нин Гуанью подошел ближе, едва держась на ногах, опираясь о дверной косяк, и мельком взглянул в комнату. — Когда второй брат был жив, мне довелось несколько раз встретиться с госпожой Цзюньин. Позже... кхм, после того как второй брат погиб, госпожа Цзюньин была настолько охвачена горем, что едва не лишилась рассудка. Ее даже обвинили в том, что она стала причиной его смерти, и жизнь ее превратилась в ад. Кхм, я взял на себя смелость привезти ее сюда.

Нин Гуанью с жалостью смотрел на Цзюньин, которая сжалась в углу комнаты, словно куча тряпья:

— К сожалению, она так сильно винила себя, что постоянно причиняла себе вред, и вскоре сошла с ума.

Его слова были адресованы Ло Ин и Цюй Ляню, но, казалось, он говорил и для Цзюньин. С тех пор как Нин Гуанью появился, она спряталась под столом, дрожа так сильно, что даже стол и стулья начали трястись. Кроме первого крика, она не издала ни звука.

Цюй Лянь незаметно заслонил взгляд Нин Гуанью, окинув взглядом обстановку в комнате. Честно говоря, все было продумано до мелочей. Столы, стулья, низкие табуретки, кровать, шкафы — все было на месте, и все острые углы были обернуты мягкой тканью. Во всей комнате не было ни одного острого предмета, даже стены были покрыты мягкими прокладками, видимо, чтобы Цзюньин не могла причинить себе вред.

Хотя, возможно, это было сделано, чтобы она не могла покончить с собой.

Цзюньин стояла к ним спиной, ее изодранные рукава открывали руки, покрытые шрамами и царапинами, которые она сама себе нанесла ногтями. Ногти были коротко подстрижены, но на кончиках пальцев оставались следы засохшей крови.

— Вызывали врача? — спросил Цюй Лянь.

— Вызывали. Она действительно сошла с ума. Боится людей, света, не слушает никого, отказывается нормально есть и пить лекарства, и никому не позволяет прикасаться к себе. Она была возлюбленной моего второго брата, и я не хочу видеть ее в таком состоянии... кхм, вы видите, как она одета, но это не потому, что я плохо с ней обращаюсь, а потому что она не позволяет никому подходить к ней.

Цюй Лянь снова спросил:

— Остальные в Усадьбе Нефритового Отражения знают, что она здесь?

Нин Гуанью горько усмехнулся:

— Наверное, догадываются. После смерти второго брата о ней все забыли, и никто не хотел заниматься ею.

Нин Гуанжэнь покончил с собой на глазах у всех, что стало тяжелым ударом для Резиденции Нин. Никто не хотел об этом говорить, а причина всего этого была еще более позорной. Упоминание имени «Цзюньин» вызывало чувство, будто тебя ударили по лицу. Ненависть, конечно, была, хотели содрать с нее кожу, но Усадьба Нефритового Отражения уже понесла

огромные потери, и кто бы захотел пачкать руки из-за какой-то проститутки?

— Это странно, — Ло Ин пристально посмотрел на Нин Гуанью. — Все остальные не хотят иметь с ней дела, ненавидят ее за то, что она стала причиной смерти второго молодого господина, так почему же пятый молодой господин так великодушен, что без всякой злобы содержит ее здесь?

Цюй Лянь краем глаза заметил, как Цзюньин под столом резко вздрогнула.

— Пятый молодой господин, не хочу вас обидеть, но ведь четвертый молодой господин лишил вас духовной силы, чуть не убил, а Усадьба Нефритового Отражения все эти годы молчала и потворствовала ему. Разве вы никогда не думали о мести?

Спина Нин Гуанью, согнутая от боли, медленно выпрямилась под пристальным взглядом Ло Ина. На его обычно мрачном лице появилась едкая усмешка:

— «Мести»? Позвольте спросить, второй молодой господин Ло, как я, калека, который не может ни поднять, ни удержать ничего, окруженный такими же калеками, могу мстить? Чем я могу мстить?

— Тигр, запертый в клетке, может сокрушить дерево, — Ло Ин легонько ткнул пальцем в его пустое запястье. — Именно потому, что ты «калека», ты можешь мстить.

Лицо Нин Гуанью побагровело, крупные капли пота выступили на лбу. Он мог называть себя «калекой», но не мог позволить другим насмеяться над ним. Сдерживая кашель, он сжал кулаки:

— Это все беспочвенные догадки, которые только оскорбляют меня. Второй молодой господин Ло, вы действительно... переходите все границы. Пожалуйста, уходите!

С этими словами он достал из рукава короткий свисток и резко свистнул. Ло Ин тут же положил руку на меч, но вместо стражников к ним подбежала та самая группа стариков, женщин и детей, которые едва держались на ногах. Они окружили Нин Гуанью, запыхавшись, и стали поддерживать его, окружив их плотным кольцом.

Это зрелище было поистине комичным, но эти люди, глухие и немые, с лицами, полными отчаяния, смотрели на них с мольбой, вызывая чувство дискомфорта, как будто сидишь на иголках. Это было хуже, чем если бы их окружили стражники.

Подозрительно, очень подозрительно.

Как они могли уйти? Если они уйдут сейчас, и с Цзюньин что-то случится, это дело может затянуться навечно.

— Госпожа Цзюньин, — Цюй Лянь мягко обратился к женщине в комнате. — Вы хотите пойти с нами? Есть ли в том деле еще что-то, о чем мы не знаем? Если вы хотите, мы готовы выслушать все, что вы скажете.

Нин Гуанью холодно усмехнулся:

— Она просто сумасшедшая. Вы готовы поверить тому, что она скажет?

В темных глазах Цюй Ляня мелькнула улыбка:

— Сумасшедшая или нет, иногда они говорят куда больше правды, чем те, кто считает себя здравомыслящими.

Ло Ин двинулся, и тут немой юноша с длинным шестом бросился на него. Ло Ин, не сдержав силы, отбросил его, и тот упал на пол, крича. Остальные слуги, увидев это, пришли в ярость и бросились на него. Ло Ин не мог ударить старух, поэтому крикнул:

— Забери ее, уходим!

Цюй Лянь, не видя другого выхода, ворвался в комнату, перевернул стол и, несмотря на испуганные крики Цзюньин, подхватил ее на руки и, используя легкую поступь, вместе с Ло Ин покинул это опасное место.

— Идем прямо в Зал Тысячелетия, передадим ее Пэй Вэньюю.

Цюй Лянь успокаивал:

— Госпожа Цзюньин, не бойтесь, господин Пэй — врач, он обязательно найдет способ вылечить вас.

Женщина в его руках была легкой, как тростинка. Цюй Лянь стиснул зубы, чувствуя, как она мелко дрожит, и замедлил шаг.

Цзюньин дрожала и плакала у него на руках, ее худые, как ветки, руки прикрывали лицо. Через некоторое время она невнятно прошептала:

— Молодой господин... я не больна. Я не больна.

Цюй Лянь и Ло Ин начали работать вместе.

Ло Ин: Всем привет, я Ло Ин, тренируюсь уже двадцать два года, мой талант — раздражать людей, спасибо!

Цюй Лянь: Ммм, всем привет, я тренируюсь уже более пятисот лет...

Ло Ин: ?

[Тридцать шесть]

Изначально Цзюньин была не в «Хуэйлэфане», а продана в небольшое заведение под названием «Байхуа хуэйгуань», где каждая девушка носила имя цветка. Другие выбирали имена вроде Пиона, Лилии или Османтуса, но она, опустив голову, налила вина и написала на столе два иероглифа: «Цзюньин».

Цзюньин, также известная как ландыш, по форме напоминает колокольчик, склоненный под тяжестью цветов. Она выбрала это имя не просто так — ей было стыдно жить на свете. Этот цветок по своей природе чист, но всегда склоняет голову, как и она сама, не находящая себе места.

О прошлом лучше не говорить. Кто добровольно опустится до уровня проститутки? Дочь опального чиновника ничем не лучше девушки, вынужденной продавать себя из-за нищеты. К тому же ей отравили горло, а позже она потеряла здоровье, и, будучи еще молодой, ее продали в «Хуэйлэфан» служанкой, подающей чай и воду.

Второй молодой господин Нин... стал для нее несбыточной мечтой.

Он дал ей слишком много. Он вылечил ее горло, обеспечил ей спокойную и обеспеченную жизнь, подарил ей заботу и уважение, дал ей надежду, которой у нее никогда не должно было быть.

К сожалению, ее судьба была слишком ужасной и низкой, чтобы мечтать о чем-то, и она сама втянула второго молодого господина Нин в этот ад, из которого не было выхода.

Она считала, что с головы до ног пропитана грязью, и никогда не позволяла Нин Гуанжэню прикасаться к себе. Нин Гуанжэнь жалел ее за то, что она так себя унижала, но никогда не настаивал. В тот день, после завтрака, она почувствовала головокружение и потеряла сознание. Ее разбудила пощечина, и ей сказали, что Нин Гуанжэнь, который еще вчера играл с ней на цине и в шахматы, устроил резню и покончил с собой на глазах у всех.

Следующие дни она провела в полусознательном состоянии, пока Нин Гуанъю не забрал ее в Резиденцию Нин.

— Второй брат велел передать тебе, — сказал Нин Гуанъю с улыбкой. — Он знал, что ты не хотела этого, он не винит тебя и просил меня хорошо о тебе заботиться.

Услышав это, Цзюньин снова заплакала. Прошло два года, но она до сих пор помнила, как ее слезы застыли на лице, когда она услышала следующее.

<http://bllate.org/book/16248/1461458>